

Когда Гарретт открыл коробку под книжной полкой, оттуда вырвался тусклый свет, осветив тонкий слой монет. Он аккуратно высыпал их, сортируя по цветам, и тщательно пересчитывал каждую — раз, два.

Десять золотых монет.

Восемь серебряных монет.

Среди золота было одно, которое выделялось.

Гаррет взял его и внимательно рассмотрел. На девяти из десяти золотых монет на лицевой стороне было изображено красивое женское лицо с короной, а на реверсе — переплетенные розы — знакомое зрелище, вероятно, по валюте их собственной страны. Похоже, это было изображение королевы спереди и, предположительно, королевской эмблемы сзади.

Но у последнего была другая отметка. На аверсе монеты был изображен бородатый мужчина в короне, а на реверсе — двуглавый орел с распростертыми крыльями. Другая эмблема, другое лицо. Учитывая узор в виде розы на реверсе других серебряных монет, может ли эта особенная монета быть из чужой страны?

Что касается того, как он там остался, его ценность и можно ли его потратить напрямую, Гаррет порылся в памяти, но не нашел ответов.

Тем не менее, эти десять золотых и восемь серебряных монет составляли последние сбережения, оставленные отцом его предшественника. Его спрятали под кроватью и спрятали под книжной полкой, и ему было приказано не прикасаться к ним без крайней необходимости.

Причиной различия между золотом и серебром было опасение, что маленький ребенок, слабый силами, может безрассудно потратить золотые монеты и навлечь на себя беду.

... Сколько ему следует вынести на этот раз?

После тщательного размышления Гаррет положил обратно в коробку восемь золотых монет, включая ту, что с двуглавым орлом, и вернул три серебряные монеты. Он тщательно переустановил коробку, расчистил следы на полу, положил мешочек с деньгами в карман и выскочил из дома в сторону магазина бумаги и ручек.

В Хартленд-Сити Гарретт помнил только один магазин, где продавались бумага и ручки. Магазин находился недалеко от площади особняка городского лорда, примерно в двухстах метрах к югу от главной улицы, в отличном месте во всем городе. Коляски с фамильными гербами украшали шумные улицы, мимо них то и дело проезжали господа и дамы.

По обе стороны входа в магазин висели два фонаря, освещавшие половину улицы. Удивительно,

но под фонарями оказался даже швейцар — в белой рубашке, на подтяжках, державший в руках доску шириной около фута и высотой более двух метров, трудившийся, чтобы поднять ее для магазина.

Когда прибыл Гаррет, швейцар с удивлением взглянул на него. Его взгляд скользнул по Гарретту, который был одет в заметно видоизмененную льняную рубашку, забрызганные грязью брюки и заплатанный рюкзак. Его губы слегка шевельнулись, он положил доску на пол и подошел, чтобы открыть дверь Гарретту.

Войдя в магазин, я увидел деревянный прилавок высотой по пояс, разделивший всю витрину на две части. За стойкой лениво сидел молодой служитель — белая рубашка, черный жилет, черный галстук-бабочка, аккуратно застегнутый под шеей, с лицом, говорящим: «Не беспокойте меня, я заканчиваю смену».

Кроме стойки, снаружи больше ничего не было. Внутри, позади дежурного, в шкафах были выставлены различные свитки, перья, бутылочки с чернилами и коробки для канцелярских принадлежностей, а стена была украшена множеством предметов.

Гаррет вытянул шею, чтобы посмотреть на свитки. Служитель поднял голову, бросил быстрый взгляд и лениво спросил: «Что вы хотите купить?»

«Бумага», — Гаррету удалось произнести одно слово, прежде чем его прервали. Служитель даже веком не повел, а продолжил: «Пергаментная бумага, по две серебряные монеты, обычная бумага, по четыре серебряные монеты. Сколько вам нужно?»

"Очень дорого?!" Гаррет был поражен. Две серебряные монеты за пергаментную бумагу можно понять, поскольку она сделана из шкуры животных, но четыре серебряные монеты за обычную бумагу? Это была какая-то высококачественная бумага?

Это не мог быть пергамент из Святилища, не так ли?

Нет, это было не главное. Если обычная бумага стоила вдвое дороже пергамента, как бумажная промышленность выжила и не обанкротилась?

Молодой служитель нетерпеливо закатил глаза. Вместо ответа он скрестил руки на груди и высокомерно добавил: «Минимальная покупка — десять листов».

«Один лист за две серебряные монеты, десять листов за двадцать серебряных монет или две золотые монеты... Сколько листов потребуется, чтобы скопировать всю книгу? Хватит ли тысячи?» Если посчитать, то только для этой цели это обошлось бы в двести золотых монет...

Если не считать алхимического аппарата и хирургических инструментов в этом ящике, распродать дом, мебель, всего в доме, скорее всего, не хватит. Гарретт подсчитал, имея мало

надежды, и осторожно спросил: «Что-нибудь подешевле?»

"Более дешевый?" Служитель поднял бровь. Когда он собирался что-то сказать, из внутренней части магазина выбежал быстрый пожилой мужчина.

«У нас их много! Какой тебе нужен?» Пожилой мужчина выглядел более экстравагантно одетым, чем молодой служитель. Его пальто было украшено бархатистой каймой, а пуговицы на пухлом животе мерцали, почти готовые оторваться. Он пристально посмотрел на дежурного, а затем мгновенно улыбнулся.

«У нас в этом магазинчике есть все виды товаров. Самый дешевый — бумага из Валвика, четыре серебряные монеты за лист. Чуть побелее, гладче — из Норумбрии, бумага для официальных документов, по одной золотой монете за лист.

«Бумагу, которую вы слышали раньше, регулярно заказывают в Магической Башне за пределами города. Говорят, что она повышает вероятность успеха при копировании свитков, даже лучше, чем пергамент. Всего четыре серебряные монеты за лист. Довольно выгодная сделка!»

Итак, это была специализированная бумага для копирования магических свитков. Гаррет внезапно осознал: хотя изготовление бумаги стало обычным явлением, производить высококачественную бумагу непросто. Не говоря уже о волшебной бумаге, олицетворяющей осязаемую силу; в его прошлой жизни даже первоклассные газеты могли стоять кругленькую сумму, и их можно было продать тысячами всего за одну или две золотые монеты.

«Сколько листов стоит золотая монета?» Молодой служитель усмехнулся. Но пожилому мужчине этот вопрос не показался слишком обыденным. Он продолжил с улыбкой: «25 листов, абсолютно без скидки!»

Хм... Гаррет быстро подсчитал. Двадцать пять листов за одну золотую монету, четыре серебряные монеты. Тысяча листов будет стоить 160 золотых монет или 16 золотых монет. У него было десять золотых, восемь серебряных и семь медных монет. Но хватит ли тысячи листов ребенку, который учится читать и писать?

Определенно недостаточно, не так ли? В наши дни чтение и письмо казалось привилегией высшего класса...

Гаррет вздохнул. После некоторого размышления он возобновил переговоры о цене: «Получу ли я скидку, если куплю больше?»

«За один таэль — это двадцать штук, семь золотых и пять серебряных! И доставим прямо к вашей двери!»

— Ручки? Чернила?

«Гулиное перо, две серебряные монеты для ручки из гусяного пера, которую можно заточить не менее двадцати раз! Изысканная ручка из гусяного пера за четыре серебряные монеты, можно заточить не менее пятидесяти раз, в комплекте идет точильный нож! Обычные чернила для письма, два серебра монеты за унцию, пять унций за большую бутыл по восемь серебряных монет!»

Они действительно хорошо умели вести бизнес.

Гаррет криво усмехнулся. Эта стратегия ценообразования и привлечение клиентов напомнили ему о хозяйственных упаковках, оптовых и комбинированных сделках в супермаркетах из его прошлой жизни.

Он посчитал свои нужды и вынул

в своем бумажнике: «Я возьму четыре листа обычной писчей бумаги и одну изысканную ручку с гусяным пером. У меня только две золотые монеты и пять серебряных монет, могу ли я получить еще одну большую бутылку чернил?»

Бумага, перо и чернила составили две золотые и восемь серебряных монет. Как только Гарретт сделал свою просьбу, потребовав десятипроцентной скидки, молодой служитель, наблюдавший со стороны, не мог не усмехнуться и ухмыльнуться: «Если вы не можете себе это позволить, то не покупайте! есть ли у вас даже золотые монеты?»

<http://tl.rulate.ru/book/106455/3860155>